

ДЖЕФФРИ ЛИНДСЕЙ

ДЖЕФФРИ ЛИНДСЕЙ

ПОСЛЕДНИЙ ДУБЛЬ
ДЕКСТЕРА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л159

Серия «Декстер!»

Jeff Lindsay
DEXTER'S FINAL CUT

Перевод с английского *Н. Кудряшева*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Художник: *А. Гайворонская*

*Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Sanford J. Greenburger Assoc., Inc. и Andrew Nurnberg.*

Линдсей, Джеффри.
Л159 Последний дубль Декстера : [роман] / Джеффри Линдсей ; [пер. с англ. Н. К. Кудряшева]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Декстер!).

ISBN 978-5-17-088111-6

Суперзвезда Роберт Чейз славится своей способностью вживаться в роль. В новом сериале ему предстоит сыграть полицейского, и он пристально наблюдает за Декстером Морганом — ведь персонаж Чейза буквально списан с обаятельного судмедэксперта. Актер ходит за Декстером по пятам, пытается понять, как тому удается вычислять убийц. Он пока не подозревает, что у полицейского есть свои темные секреты и слабости... А Декстеру становится все труднее хранить в тайне необычное «хобби».

Удастся ли ему «оставить след в Голливуде», не попав при этом на электрический стул?

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Jeff Lindsay, 2013

© Перевод. Н.К. Кудряшев, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-088111-6

Эпилог

Быть мертвым не так уж плохо. Странно? Подумайте сами. Люди боятся всего такого, и плачут, и охают, и годами спорят насчет того, существует ли загробная жизнь. А ты лежишь себе в мирном покое, в тишине, ничего у тебя не болит, ничего не заботит, и ты просто вспоминаешь свою последнюю трапезу — у меня это оказался превосходный сэндвич с бастурмой. Мне его подали всего сорок минут назад, еще теплым, и я, сидя на удобном откидном месте, помнится, подумал: где это они ухитрились достать в Майами такую хорошую бастурму? Соус, кстати, тоже вполне удался. И все это великолепие я запивал крем-содой — довольно давно я ее не пробовал, а зря: чистое наслаждение. Короче, по сравнению с этими гастрономическими ощущениями смерть кажется мелкой неприятностью.

...Хотя, если откровенно, лежать на асфальте тоже вскоре надоедает. Я надеялся, что меня найдут довольно быстро: как выяснилось, быть мертвым скучновато, а все шло к тому, что я пробуду в этом состоянии по меньшей мере некоторое время. Ну да, от смерти, как правило, ожидают каких-то других неудобств, не скуки... но именно это я испытывал: столько времени, а заняться нечем. И мостовая подо мной была неприятно горячей и жесткой. И в довершение всего вокруг расплзлась лужа чего-то красного и липкого, что не добавляло комфорта... то есть не добавляло бы, оставайся я в живых. И к тому же меня раздражала мысль о том, как неприглядно я, должно быть, выгляжу со стороны.

Возможно, вы найдете это странным, но уж как есть. Хочешь не хочешь, а мне приходилось мириться с собственным непривлекательным видом. И то подумать, что приятного в

теле с дырками от пуль. А уж валяться в луже крови посреди улицы в Майами, ожидая, пока тебя обнаружат, — и вовсе непристойно. А когда мое несчастное окровавленное тело наконец найдут, никто не будет особенно сокрушаться по этому поводу, никто не заплачет и даже не расстроится. Не сказать, что меня это особенно трогает, но ведь положено желать, чтобы за тебя переживали, правда?

Но не сегодня. Не за беднягу Декстера. В конце концов, кто расстроится из-за чудовища вроде меня? То есть, конечно, изобразят скорбь, но исключительно для проформы, даже менее убедительно, чем обычно, а я и возразить ничего не смогу. Всю свою трудовую карьеру — да и значительную часть свободного времени — я провел в обществе мертвых тел. И понимаю, что самой естественной реакцией того, кто наткнется на окровавленный труп, будет «Ох блин!». А потом нашедший вас глотнет из банки с энергетическим напитком и прибавит звук на своем айпоне. Впрочем, даже это честнее, чем делать преувеличенно скорбные физиономии при обнаружении моих жалких останков. Хотя вряд ли я смогу рассчитывать на традиционные изъятия скорби и печали вроде «увы, бедняга Декстер!» — тем более что «увы» давно вышло из моды. Сомневаюсь даже, что люди способны теперь на такие чувства.

Нет, Дорогого Давшего Дуба Декстера никто не станет искренне оплакивать — вряд ли кто-то вообще на это способен. Возможно, я один могу честно признать, что не способен. А между тем что-то не замечал подобной способности и в других. Люди слишком черствы и непостоянны, так что и в лучшие времена (к которым текущий момент явно не относился) вряд ли я мог бы надеяться на то, что мое окровавленное тело вызовет у кого-нибудь что-то, кроме отвращения.

Однако же и выбирать мне не приходилось. Все, что я мог, — это по возможности расслабляться (про удовольствия я уж молчу) и лежать бревном в ожидании, пока меня найдут... что могло случиться довольно не скоро. Я пролежал на солнце уже никак не меньше получаса... Интересно, а может труп получить солнечный ожог? Искусственным загаром покойники не балуются, в этом я уверен — даже в фильмах про зомби — но здесь, под полуденным южным солнцем, способна ли мертвая кожа подзагореть? Есть в этом нечто неправильное: все мы привыкли к тому, что кадавры мертвенно-бледны, по-

этому, если подумать, тронутый загаром эпидермис наверняка испортит весь эффект.

Наконец где-то рядом послышались шум и суэта: громыхнула, захлопнувшись, стальная дверь, кто-то оживленно заговорил, и я услышал долгожданный звук — шум приближающихся шагов. Шаги замерли рядом со мной, и какая-то женщина охнула и воскликнула: «О нет!» Ну наконец-то: мое трагическое положение вызвало-таки чьи-то неподдельные эмоции. Возможно, немного мелодраматичные, но все же трогательные, даже, можно сказать, душещипательные... если бы, конечно, у Декстера имелась душа, за которую можно щипать.

Женщина склонилась надо мной; ее лица я против солнца почти не различал, но кое в чем не сомневался: в правой руке она держала пистолет. Женщина, да еще и с пистолетом — уж не любимая ли это сестрица Декстера, сержант Дебора Морган склонилась над телом брата? И в самом деле, кто еще мог так искренне переживать на мой счет? Ее левая рука прижалась к моей шее в поисках пульса с самой настоящей нежностью — увы, в поисках тщетных... или что там теперь говорят вместо «тщетно»? Ее левая рука соскользнула с моей шеи, она запрокинула голову к небесам и трянула волосами.

— Клянусь, — процедила она сквозь зубы, — я найду ублюдка, который это сделал...

Подобного заявления я не мог не одобрить всей душой, и прозвучало оно похоже на Дебору — похоже, да не совсем. Прозвучала в этом голосе этакая чуть нерешительная, мелодичная флуктуация, каких моя сестра никогда себе не позволяет.

Нет, это не Дебора, хотя довольно точная ее имитация. И еще менее похоже на мою свирепую и несдержанную на язык сестру прозвучали ее следующие слова — капризным, чуть гнусавым тоном:

— Черт тебя подери, Виктор, все это чертово время на мое лицо падает тень!

В ответ послышался мужской голос; судя по тону, его обладатель давно уже миновал предел измождения.

— Стоп! Куда, черт подери, запропастился механик?

Виктор?

Механик!

Что, черт подери, происходит? Нет, правда? Что за бредовая реакция на трагическую кончину человека, еще совсем

молодого, талантливого, вызывающего столько восхищения... ну по крайней мере лично у меня? Может, эта комическая сценка — порождение причудливого искажения действительности при прохождении той завесы, что отделяет бытие от небытия? Этакое развлечение напоследок, на пути к последнему пристанищу?

Тем временем все становилось, как сказала бы Алиса, страньше и страньше. Вокруг моего тела разыгрывалась какая-то сюрреалистическая сцена с лихорадочной активностью. Дюжина людей, которые только что где-то прятались, разом высыпали на тротуар и занялись каждый своим делом — так, словно суетиться вокруг окровавленного Декстера для них в порядке вещей. Двое мужчин и одна женщина, нависнув прямо над моими бранными останками, начали возиться с установленными на треногах лампами, рефлекторами и мотками электрических проводов. Поневоле задумаешься: неужели так заканчивается жизнь у каждого? Не великой Чернотой, а наладкой освещения?

К сожалению для тех, кто ждал каких-то метафизических открытий, с ответами на эти волнующие вопросы нам придется подождать. Ибо сегодняшний день вовсе не тот внушающий ужас День, когда Декстер Даст Дуба. Нет, сегодняшний день мельче и безобиднее: День Дебюта Декстера. Сегодня Декстер вступает, можно сказать, в безумный водоворот профессионального шоу-бизнеса. Мы славно поработали, а теперь мы славно отдохнем... а точнее, сыграем роль, к которой готовились всю жизнь. Сыграем симпатичный труп, мелкую, безжизненную пешку на шахматной доске Голливуда.

Женщина, похожая на Дебору, приятельски потрепав меня по щеке, отправилась в свой трейлер, бормоча под нос непечатные реплики в адрес тех, кто оставил ее безукоризненно загримированное лицо в тени. Съёмочная группа занялась обычными хлопотами, а Виктор сверхчеловечески усталым голосом обратился ко мне из мегафона:

— А тебе пора пойти почиститься для следующего дубля — слышишь, Деррик?

— Я Декстер, — уточнил я, воскреснув из мертвых и приняв сидячее положение. — Через «К» и «С».

Однако Виктор не выказал особого внимания к моему замечанию.

— Ребята, мы уже отстаем от графика на три дня, — выдохнул он в мегафон. — Мы можем шевелиться чуть быстрее?

Насколько я могу судить, шевелиться быстрее от этого заявления никто не стал, что меня более чем устраивает. В конце концов, если Виктору нравится меня игнорировать, вряд ли он обидится, если я тоже не буду обращать на него внимания, верно?

Рядом со мной появился элегантный молодой человек, окутанный ароматом дорогого одеколона.

— Круто, правда? — заметил он, похлопав меня по плечу. — Вы прямо как взаправду мертвый казались, да?

— Спасибо, — кивнул я в ответ.

Он подхватил меня мягкой рукой за локоть и предложил:

— Пойдемте почистим вас? — Почти все его фразы звучат вопросительно — даже реплики вроде «Привет, меня зовут Фред?» Я ничего против него не имею — хотя, кажется, Фред не возражал бы, если бы я кое-что имел. Но даже если бы я и имел подобные намерения — которых совершенно нет, — ничего бы из этого не вышло. Он всего лишь ассистент реквизитора, а Декстер — Звезда (так значится в подписанном мною контракте), поэтому я держусь с подобающим достоинством и без панибратства, направившись вместе с ним в трейлер, служивший костюмерной. По дороге мне в голову пришла мысль, точнее, вопрос — чисто риторический, просто попытка отыскать смысл там, где его нет. И все же, оглядывая всю эту абсурдно дорогостоящую суету, я не могу не задать его себе.

Как я здесь оказался?

Глава 1

Все начиналось очень даже мирно, всего несколько недель назад, славным осенним днем.

Как всегда, я ехал на работу сквозь тот веселый бардак, каким является Майами в час пик. День стоял замечательный: солнце светило, температура поднялась до семидесяти по Фаренгейту, все остальные участники дорожного потока оживленно давили на клаксоны и выкрикивали смертные проклятия друг другу, а я лавировал в этом потоке, ощущая приятное родство с происходящим.

Я зарулил на свой клочок стоянки перед зданием полицейского управления, даже не подозревая о том ужасе, что меня ожидал. Держа под мышкой большую коробку пончиков, я вошел в здание и поднялся к себе на второй этаж. В свой кабинет я вошел точно по графику — как и всегда. И даже садясь за стол с чашкой кофе в одной руке и пончиком с мармеладом в другой, я ни на мгновение не заподозрил, что этот день будет чем-то отличаться от других, мирно проведенных в обществе свежих мертвецов нашего развеселого города.

А потом на столе зазвонил телефон, и, поскольку мне не хватило догадливости не брать трубку, все изменилось — раз и навсегда.

— Морган, — произнес я в трубку. Знай я, что меня ожидает, голос мой прозвучал бы не так жизнерадостно.

Кто-то на другом конце провода издал горлом неопределенный звук, и я, к своему удивлению, узнал говорившего. Такой звук капитан Мэтьюз издает всякий раз, когда хочет привлечь внимание собеседника к последующему важному заявлению. Однако что он мог сообщить мне — мне, не дожевавшему и одного пончика простому криминалисту!

— Гхм, э... Морган, — произнес капитан. После чего в трубке наступила тишина.

— Морган слушает, — попробовал помочь я.

— Тут... э... — произнес он и снова прокашлялся. — У меня есть специальное поручение. Вам. Не подниметесь ли вы ко мне в кабинет? Прямо сейчас, — последовала еще одна неловкая пауза. — Э... Пожалуйста, — добавил он совсем уж неожиданно перед тем, как повесить трубку.

Некоторое время я тупо пялился на трубку, держа ее в руке. Я никак не мог понять, что случилось и что означало это «подняться к нему в кабинет — прямо сейчас». Как правило, капитаны полиции не дают специальных поручений мелким экспертам по анализу крови, а просто так эти мелкие эксперты к ним в кабинет тоже заглядывают редко. Так в чем же дело?

Совість моя — как и положено объекту в высшей степени мистическому — была чиста, и все же я ощущал легкую неуверенность. Уж не грозит ли мне чего — вдруг всплыла какая-нибудь улика моих извращенных развлечений? Я всегда относился к таким вещам в высшей степени внимательно — ни одной части тела я за собой не оставлял! — да и в любом случае, последний эпизод, заслуживавший мало-мальского упоминания, имел место довольно давно. Мне даже начинало уже казаться, что *слишком* давно, поэтому несколько последних вечеров я провел, изучая список потенциальных кандидатов и обдумывая дату очередной Игры. Со времени последнего Романтического Свидания прошло несколько месяцев, и я наверняка заслуживал нового — если, конечно, меня каким-то образом не вычислили. Однако возвращаясь в мыслях к тому восхитительному вечеру, я не припоминал ни одной осечки, ни одной оставшейся без внимания детали — ничего, кроме безукоризненного совершенства. Или кто-нибудь как-нибудь что-нибудь все-таки разнюхал?

Но нет: такого просто не может быть. Как всегда, я продумал все до мельчайших деталей. И потом, если бы мои артефакты и обнаружались бы, меня вряд ли приглашали бы вежливо в кабинет к начальнику — тем более, с добавлением слова «пожалуйста»! Вместо этого я оказался бы в окружении стволов группы быстрого реагирования, каждый из членов которой отчаянно желал бы, чтобы я выкинул какой-нибудь фокус, дав им повод нажать на курок.

Должно быть, имелись и другие, куда более простые объяснения тому, с чего это вдруг капитан Мэтьюз приглашает меня на Олимп, однако сколько я ни напрягал свой могучий мозг, на ум не приходило никаких мыслей, кроме того, что стоит все-таки доест свой пончик, прежде чем предстать перед августейшими очами. Не ответ, конечно, но все же мысль отличалась ясностью и практичностью, а за ней и другая в голову пришла: какая разница, чего ему нужно? Он начальник, я дурак, значит, он отдает приказы, а я их выполняю. Собственно, это единственное, что нужно знать человеку в этом мире. А посему я встал из-за стола и под звуки волюнок, исполнявших в моей голове «Зов долга», пошел к двери, на ходу дожевывая многострадальный пончик.

Поскольку Мэтьюз дослужился до капитана и при этом занимал важное место в системе мироздания, ему полагалась настоящая секретарша... сама себя, правда, она предпочитала называть исполнительным ассистентом. Звали ее Гвен, и она обладала тремя неоспоримыми преимуществами перед всеми другими известными мне людьми: она была потрясающе работоспособна, невыносимо серьезна и бескомпромиссно прямолинейна. Совершенно восхитительное сочетание; я, во всяком случае, всегда находил его неотразимым. Поэтому, подходя к ее столу и вытирая жирные от пончика руки о штаны (где остаткам означенного пончика самое и место), я не смог удержаться от того, чтобы не пофлиртовать с ней.

— О благородная Гвендолин, — произнес я. — Лицо, приводящее в движение тысячи патрульных экипажей...

Она смотрела на меня, чуть нахмурившись.

— Он вас ждет, — сообщила она. — В комнате для совещаний. Прямо сейчас.

Не то чтобы это слишком ободряло, но Гвен никогда не отличалась особенным чувством юмора, поэтому я одарил ее лучшей из своих неискренних улыбок и продолжил: — Красота и ум! Разрушительное сочетание!

— Да проходите же! — рявкнула она с лицом, словно высеченным из камня... ну или, по меньшей мере, из зачерстванного пудинга. Я еще раз ослепил ее улыбкой и проскользнул мимо в комнату для совещаний.

Капитан Мэтьюз восседал во главе стола, и вид при этом имел искренний, мужественный и по меньшей мере наполовину благородный — одним словом, как всегда. По одну сто-

рону от него сидела моя сестра, сержант Дебора Морган, и вид у нее был не самый радостный. Честно говоря, радостным он у нее случается довольно редко; помимо обычного для копа сурового выражения лица и постоянно напряженной осанки, самое жизнерадостное, что она когда-либо могла изобразить в моем присутствии, — это неохотное ворчливое одобрение. Впрочем, в то утро она производила впечатление на редкость недовольной даже по своим меркам. В надежде найти причину такого настроения сестры я обратил взгляд на других сидевших за столом.

Ближе других к капитану сидел мужчина, в котором я сразу же определил альфа-кобеля этой компании. На вид я дал бы ему лет тридцать пять, и костюм его, судя по всему, стоил столько, что даже капитан Мэтьюз поглядывал на него со странной смесью отвращения и почтительности. Когда я подошел к столу, мужчина просканировал меня взглядом так, словно я представлял собой какой-нибудь штрих-код, и не терпеливо повернулся обратно к Мэтьюзу.

Рядом с этим очаровательным индивидуумом сидела женщина столь красивая, что я на мгновение забыл, что иду, и застыл на полушаге с нелепо поднятой правой ногой, тараша на нее глаза как слюнявый тинейджер. Нет, правда, тарашил, не отдавая себе в этом отчета. С волосами цвета старого золота, с приятными, правильными чертами лица... ну, почти. Зато глаза... Глаза у нее были потрясающе фиолетового цвета, такого невероятного и в то же время такого естественного для нее, что я с трудом поборол жгучее желание подойти к ней вплотную, чтобы поближе рассмотреть эти глаза с близкого расстояния. Впрочем, имелось в ней что-то еще помимо простой привлекательности, что-то недоступное взгляду и придающее ей еще большее очарование? Это что-то сделало меня на мгновение слабым и беззащитным. Женщина наблюдала за моей реакцией на нее с легкой иронией, чуть приподняв бровь и изогнув губы в едва заметной улыбке, словно говорившей: «Ну да, разумеется, — и что?» А потом она повернулась к капитану, и я смог наконец завершить прерванный шаг и дотащиться наконец до стола.

В это полное потрясений утро даже моя реакция на простую Женскую Красоту оказалась непропорционально сильной. Я вообще не припомню другого такого случая, чтобы вел себя абсурдно как простой смертный: Декстер слюней не

распускает, тем более на женщин. Вкусы у меня куда утонченнее — как правило, меня гораздо больше привлекает тщательно подобранный партнер и моток изолянта. Однако что-то в этой женщине заставляло меня застывать при каждом взгляде на нее, а взгляд невольно возвращался к ней каждую пару секунд. Тем не менее я все же нашел в себе силы плюхнуться на стул рядом с сестрой. Дебс приветствовала меня, пихнув локтем под ребра.

— Ты пустил слюну! — прошипела она мне на ухо.

Ну, не буквально, конечно. Все же я выпрямился и, собрав в кулак остатки воли, огляделся по сторонам. Мне очень хотелось выглядеть как ни в чем не бывало.

За столом сидел еще один человек. Он занимал место через стул от Неодолимой Сирены, но даже там скособочился так, словно боялся подцепить от нее какую-нибудь заразу. Он сидел, подперев голову рукой. Даже очки-консервы не могли скрыть того, что он довольно симпатичен, лет ему около сорока пяти, у него безупречно подстриженные усы, а прическа так и вовсе умопомрачительная. По причине темных очков я не могу утверждать этого наверняка, но у меня сложилось устойчивое впечатление, что с момента, как я вошел в кабинет, он не посмотрел на меня ни разу. Впрочем, каким-то непостижимым образом я сумел-таки скрыть свое разочарование такой его непочтительностью и перевел взгляд на восседавшего во главе стола капитана Мэтьюза — тем более что тот снова откашлялся.

— Хм, — осторожно начал он. — Поскольку все, хм, на месте, ну... — Он мотнул головой в сторону Деборы. — Морган, — представил он ее и посмотрел на меня. — И, хм... Морган. — Он нахмурился так, словно я оскорбил его, выбрав себе такую фамилию. В наступившей тишине было особенно хорошо слышно, как красotka хихикнула. Капитан Мэтьюз буквально залился краской, чего с ним не случалось, думаю, со школьных лет, и еще раз прочистил горло. — Ладно. — Он покосился на женщину и постарался принять по возможности более серьезный тон. Потом кивнул в сторону мужчины в дорогом костюме. — Мистер... э... Эйсен, вот этот, представляет... э... «Би-Ти-Эн». «Биг Тикет Нетуорк». — Мужчина терпеливо кивнул. — И... э... Они сейчас у нас... в Майами, — пояснил он на случай, если мы забыли, в каком городе живем. — Они собираются снимать кино. То есть... э... телесериал.

— Пилотную серию, — подал голос мужчина в темных очках. Губы он при этом раздвинул ровно настолько, чтобы продемонстрировать ровные ослепительно-белые зубы. — Это называется «пилотная серия».

Красотка закатила глаза, потом посмотрела на меня, покачала головой, и я вдруг поймал себя на том, что, сам того не осознавая, с готовностью улыбаюсь ей в ответ.

— Ну да, — согласился Мэтьюз. — Пилотную серию. Ага. Так вот, — он легонько похлопал руками по столу и снова посмотрел на Дебору. — Мистер Эйсен обратился к нам за... э... помощью. Каковую мы ему, разумеется, с радостью окажем. С превеликой радостью, — добавил он, мотнув головой в сторону Эйсена. — Это полезно управлению. Ну там, позитивный образ, и... э... все такое. — Он снова нахмурился, побарабанил пальцами по столу и посмотрел на Дебору в упор. — И... э... Морган. То есть вы оба.

Возможно, по причине того, что мне не дали допить эту чертову чашку утреннего кофе, я никак не мог взять в толк, к чему клонит Мэтьюз. Однако же, поскольку Декстер всегда отличался быстротой реакции, я тоже прокашлялся. Это подействовало: Мэтьюз повернулся ко мне, и на лице его обозначилось неприкрытое удивление.

— Прошу прощения, капитан, — сказал я. — Но что конкретно от меня требуется?

Мэтьюз потрясенно уставился на меня.

— Все, что потребуется, — ответил он. — То есть все, о чем они вас попросят.

— Мнее нуужно, — вновь подал голос мистер Усатый, лениво растягивая слова, — понять: кто. Вы. Такие.

Смысла во всем этом было не больше, чем в том, что сообщил Мэтьюз, и я не смог выдумать более убедительного ответа, чем «А, ну-ну...» Должно быть, это удовлетворило его не больше, чем его слова — меня, поскольку он наконец пошевелился, повернув-таки голову в моем направлении и поправив безукоризненно наманикюренным пальцем очки.

— Мне необходимо понаблюдать за вами, научиться делать то, чем вы занимаетесь, чтобы понять, как лучше стать вами, — ответил он и показал свои ослепительно-белые зубы. — Это вряд ли займет больше нескольких дней.

Сидевшая рядом с ним красотка фыркнула и пробормотала что-то, похожее на «вот жопа...» На лице у мужчины